

При основании великой династии император-основатель Тай-цзу установил незыблемое правило: евнухам строжайше запрещалось обзаводиться личным жильем за пределами дворца, покупать пахотные земли и вообще владеть каким-либо имуществом.

Однако стоило престолу перейти к его сыну, Тай-цзуну, как тот, желая выказать особое расположение своим доверенным слугам из числа кастратов, преспокойно пошел наперекор отцовской воле. Прямо под священным запретом он приписал бисерным почерком: «За исключением случаев, когда сие пожаловано императором или разрешено особым указом».

Шли годы, сменялись правители. Все больше евнухов обзаводились частным имуществом — кто получал его в дар от государя, кто наследовал от старших наставников. Древний закон основателя династии превратился в пустую формальность и со временем естественным образом трансформировался в куда более мягкое предписание: евнухам просто запрещалось без веского повода покидать службу и возвращаться домой.

Но человеческие желания безграничны. Обретя собственный уютный угол, кто захочет и дальше ютиться в общей казарме?

По крайней мере, Цзян Чжиуэй точно не желал.

К тому же сама формулировка «без веского повода» оставляла слишком много лазеек. Что считать уважительной причиной, а что — пустой прихотью?

В понимании Цзян Чжиуэя его привычка возвращаться домой в каждый личный выходной была вовсе не блажью, а самым что ни на есть законным отдыхом.

Однако у донесших на него Парчовых стражей было иное мнение. Как-никак, Цзян Чжиуэй занимал пост смотрителя императорских озер — по сути, главного человека в Южном дворце. И то, что он то и дело без предупреждения пропадал со службы на день-другой, доводило стражников до белого каления. Это же уму непостижимо!

— Но Его Величества сейчас нет в Южном дворце! — спорил когда-то Цзян Чжиуэй, отстаивая свои права.

В те времена на престоле еще восседал император Тяньхэ.

— Государь может прибыть туда в любой момент! А если тебя не окажется на месте, кто встретит его и исполнит волю? Это чистой воды халатность! — отрезал допрашивавший его помощник командира Парчовых стражей.

Словом, спор шел в типичной серой зоне, где у каждой стороны была своя правда.

Ни одна из сторон не желала уступать, а высокое руководство не спешило выносить

окончательный вердикт. Так все и тянулось, пока не превратилось в привычный ритуал: Цзян Чжиуэй больше не утруждал себя спорами со стражниками — он безропотно признавал вину, а выйдя на свободу, сразу же брался за старое. Парчовым стражам оставалось лишь поддержать его под замком дня три, а затем возвращать на прежнюю должность. Они походили на старую супружескую чету, которая и вместе ужиться не может, и порознь не получается.

Уцепившись за прутья решетки, Цзян Чжиуэй выслушал, в чем обвиняют Чи Нина, и тут же принялся деятельно давать советы названному брату:

— Тайная покупка усадьбы — проступок пустяковый. Если тебя так упорно пытались засадить в Императорскую тюрьму, они явно замышляют что-то еще. Их цель...

— ...явно не в том, чтобы поддержать меня здесь пару дней, — закончил за него Чи Нин.

Святых среди людей нет. Стоит человеку оказаться в застенках Чжаоя, как следователи непременно вытянут из него что-нибудь стоящее. К тому же Чи Нин и сам прекрасно понимал: примерным и послушным слугой престола он никогда не был.

— Вот-вот, именно! Ты всегда соображал быстрее меня, — закивал Цзян Чжиуэй. Сам он редко заглядывал дальше очевидного, тогда как его младший соученик мыслил на много ходов вперед, словно заправский гроссмейстер. — Поэтому мой тебе совет: признай самое мелкое прегрешение. Выберешься отсюда через пару дней, а там уже сочтемся со злыднями, когда все уляжется.

Если Чи Нин сам заполнит опросный лист допроса, у Парчовых стражей не останется законных оснований мучить его расспросами.

План казался разумным. Как говорится, стерпишь малое — избежишь большой беды. Вот только...

Чи Нин был не из тех, кто соглашался безропотно сносить обиды.

— Ох, пропади все пропадом! — Цзян Чжиуэй не на шутку тревожился за младшего. Когда Чи Нин в прошлый раз попал в немилость, Цзян Чжиуэй, позабыв о гордости, обивал пороги влиятельных господ, умоляя о пощаде. — Глупый ты мальчишка, ну откуда в тебе столько упрямства?! Ты хоть представляешь, что творится в стенах Чжаоя? С чем тебе придется столкнуться?! Здесь творятся жуткие вещи!

— Представляю, — спокойно ответил Чи Нин.

"Жуткие вещи? — Чи Нин невольно задумался. — Неужели он имеет в виду призраков усопших и одержимость?"

Но не успел Чи Нин договорить, как старший соученик в сердцах перебил его:

— Да черта с два ты знаешь!

Чи Нин лишь вздохнул про себя. Знает, и даже слишком хорошо.

Их громкий спор привлек внимание узника из соседней камеры за поворотом. Лицо его показалось знакомым — это был не кто иной, как Вэнь Шибao. Наследник Вэнь выглядел ужасно: осунулся, позеленел от дикого страха. Парчовые стражи даже пальцем его не тронули, но он так неистово голосил и звал на помощь все эти дни, что начисто сорвал голос. И все же, завидев старого недруга, он попытался злорадно рассмеяться, хрипя:

— Чи Нин? Ты ли это? Ха-ха! И тебя настигла кара! Есть все-таки на свете справедливость! Вот тебе возмездие за то, что погубил меня!

Ссориться со старшим братом Чи Нин не желал, но уж поставить на место Толстяка Вэня для него не составляло труда:

— И как же я тебя погубил? Разве не ты первым полез на рожон, требуя, чтобы Младший канцлер Ся упек меня за решетку? Или ты позабыл, что водился с Хуан Саньнян?

Хуан Саньнян действительно оказалась заговорщицей. Ся Ся уже обнаружил у нее тайную переписку с сектой Небесного Писания — тем самым еретическим учением, которое успело пустить корни среди придворных евнухов и расследованием которого занимался Ся Ся. Если бы Чи Нин вовремя не схватил эту женщину и позволил ей, прикрываясь статусом наложницы Евнуха Ма, обосноваться в Юнцзи, беды было бы не миновать.

— Сам накликал на себя несчастье, а теперь винишь тех, кто восстановил справедливость?

— Что за нелепая логика?

— Неужто ты думаешь, что весь мир вертится вокруг тебя и обязан потакать твоим прихотям?!

Вэнь Шибao от такой отповеди захлебнулся воздухом. Не зная, что ответить, он прибег к испытанному средству — глупому и упрямому отрицанию очевидного:

— Лжешь! Это все твоя гнусная клевета! И я, и Саньнян ни в чем не виноваты!

— Постой, как ты оказался замешан в деле Хуан Саньнян?! — всполошился Цзян Чжиуэй. Он уже несколько дней томился в застенках и краем уха слышал о масштабах заговора. Поняв, куда клонится беседа, он нешуточно испугался и зашептал Чи Нину: — Быстро говори мне все как есть! Это тебе не шутки, ты даже не представляешь, какими силами...

Чи Нин мысленно вздохнул: «Уж поверь, братец, я-то прекрасно все представляю».

— Помолчи, — Чи Нин жестом оборвал панические излияния брата и поманил его ближе к решетке, чтобы прошептать на ухо: — Тот, кто упек меня сюда, с вероятностью в девять из десяти — Евнух Ма, тайный полюбовник Хуан Саньнян. Он не зря носит звание Пишущего евнуха Дирекции церемониала. Этот старый лис умен, и его замыслы простираются куда дальше, чем кажется на первый взгляд.

Чи Нин выразился очень мягко. На самом деле ему хотелось сказать прямо: «Братец, если бы козни Евнуха Ма были настолько просты, что даже ты сумел бы их разгадать, то он никогда не добился бы своего нынешнего влияния».

В голове Цзян Чжиуэя воцарилась полнейшая каша. То, что казалось ему двумя совершенно разными неурядицами, вдруг слилось в один запутанный клубок!

Но Чи Нин поспешил огорчить его — это было не двойное, а тройное дно:

— И неужели тебе не кажется странным, что меня заперли в камере прямо по соседству с твоей? Разве во всей столице найдется хоть один человек, который не знает о нашей дружбе?

А ведь одно из негласных правил Императорской тюрьмы гласило: чтобы заговорщики не могли сговариваться и поддерживать друг друга, знакомых никогда не селят в смежные камеры.

Мыслительный аппарат Цзян Чжиуэя окончательно отказал.

— Ладно, — сдался он. — Просто скажи, что мне делать.

— Стой на своем и ни в какую не признавай вину, как и я.

Чи Нин уже смутно улавливал ход мыслей Евнуха Ма. Тот рассчитывал, что Чи Нин поддастся уговорам брата, посчитает тайную покупку усадьбы мелким проступком и послушно подпишет признание. После этого Ма сможет вертеть им как вздумается. Чи Нин еще не до конца понимал, как именно его планируют использовать, но знал главное правило борьбы: если хочешь выжить — никогда не играй по правилам врага.

— Чего? — Цзян Чжиуэй растерянно приоткрыл рот, отчего его лицо приобрело на редкость глуповатое выражение. И даже призрачные изумрудные огни одержимости, тускло мерцавшие во влажном воздухе каземата, не могли придать ему сколько-нибудь таинственного или грозного вида.

По заверениям покойного учителя, в детстве Цзян Чжиуэя ударила молния. Самая настоящая, небесная. В один из грозовых дней он спрятался под деревом возле родного дома, и... бабах!

Похоже, та небесная кара действительно безвозвратно выжгла бедолаге остатки сообразительности.

Именно поэтому Чи Нин каждый раз проявлял чудеса терпения, разжевывая упрямому брату простейшие истины — исключительно из глубокого родственного сострадания к его умственному убожеству.

Он вздохнул и решил объяснить еще проще:

— Мы ведь не совершали никакого преступления, так с какой стати нам признавать вину? Только потому, что так проще отделаться? Или потому, что кто-то свыше назвал это проступком? Братец, неужто ты передумал бороться за справедливость и больше не желаешь стать великим и неподкупным судьей?

О да, заветной мечтой всей жизни Цзян Чжиуэя было прослыть в народе честным и справедливым судьей Бао.

— Конечно желаю! — Цзян Чжиуэй с жаром вцепился в ладонь Чи Нина, лежащую на деревянном бруске решетки. Глаза его повлажнели от избытка чувств. — Мы ни в чем не виноваты! Ох, младший брат, только ты один понимаешь мою мятежную душу!

"Надо же, как легко его взволновать парой красивых фраз, — раздался в сознании Чи Нина насмешливый голос Господина Юаня. — Твой названный брат безнадежен"

Чи Нин мысленно вздохнул.

"Тут ты прав, — мысленно согласился он, — возразить мне нечего"

Пока братья предавались трогательным излияниям, томившийся неподалеку Вэнь Шибao, упорно желавший свести себя в могилу собственными глупыми выходками, перешел к решительным действиям. Он принялся неистово колотить деревянной миской по прутьям решетки, вопя во все горло:

— Сюда! Скорее сюда! Помогите, побег! Из тюрьмы бегут!

Остальные узники лишь молча и с холодным презрением взирали на это представление. Их взгляды недвусмысленно давали понять, за какого непроходимого дурака они держат наследника.

Уже через мгновение послышался топот кованых сапог, и к камерам с обнаженными клинками примчался караульный отряд Парчовых стражей.

Цзян Чжиуэй даже не подумал отойти от решетки Чи Нина. Озадаченно оглядываясь по сторонам, он со всей искренностью недоумевал:

— Интересно, кто это решился на побег? Что-то я никого не вижу...

Чи Нин посмотрел на своего старшего брата, который преспокойно стоял снаружи своей камеры, прямо в проходе. Сказать тут было решительно нечего.

Предводителем прибежавших стражников оказался тот самый Ван Дахэ, младший брат Сяоюаня, о котором Цзян Чжиуэй недавно рассказывал Чи Нину. Сяоюань в свое время приложил немало усилий, чтобы выхлопотать для родственника теплое местечко сотника в Парчовых стражах.

Ван Дахэ был парнем простым и неотесанным — в плечах косая сажень, силища как у деревенского пахаря, голос громоподобный, но нрав на удивление покладистый.

— Брат Цзян! Кто бежит? — пробасил он, растерянно озираясь.

Цзян Чжиуэй растерялся не меньше его:

— Да пес его знает, сам гадаю.

Вэнь Шибao от такой непроходимой тупости едва не лишился чувств. Этот верзила Цзян стоит прямо посреди коридора во весь свой немалый рост, неужто у этих стражников вместо глаз дыры?!

— Да он же выбрался из камеры! — брызжа слюной, заорал Вэнь Шибao. — Если это не побег, то что, по-вашему?!

Тут до Ван Дахэ и Цзян Чжиуэя наконец одновременно дошло.

Сотник виновато поскреб затылок:

— Ох, беда. Опять я забыл запереть твою дверь, брат Цзян. Уж прости великодушно.

Дело в том, что в свободные от службы часы Ван Дахэ обожал заглядывать к Цзян Чжиуэю перекинуться в карты. Иногда они соображали на двоих, иногда на троих, а стоило набрать четвертого — сразу затевали партию в маджонг прямо в тюремном коридоре.

Один преспокойно извинялся за халатность, другой столь же непринужденно эти извинения принимал.

Цзян Чжиуэй великодушно махнул рукой:

— Пустяки, свои же люди, к чему эти церемонии?

На этих словах он чинно зашагал обратно в свою конуру по соседству с Чи Нином. Раздался залиvistый скрежет железа — Цзян Чжиуэй собственноручно накинуд засов и защелкнул замок изнутри!

Перед сотником Ван держался как кроткий ягненок, но стоило ему повернуться к досаждавшему своими криками Вэнь Шибao, как лицо его мгновенно исказилось свирепой гримасой:

— Ну и где тут беглец? Если ты сейчас же внятно все не разложишь честь по чести, клянусь, моя плеть быстро научит тебя держать язык за зубами!

Вэнь Шибao онемел от такого беспредела.

Ему было невыносимо обидно, хоть садись да плачь.

Однако главные огорчения ждали Вэнь Шибao впереди. Не прошло и получаса, как в тюремное крыло явился Младший канцлер Ся с отрядом сопровождения, чтобы забрать Чи Нина на поруки.

Хотя прихвостни Евнуха Ма, разумеется, тут же примчались следом, пытаюсь помешать и помериться влиянием с Ся Ся, Младший канцлер прибыл не один — его сопровождал сам Наследник Сиятельного князя Цзина.

— Интересно, хватит ли моего скромного имени, дабы выступить поручителем для этих господ?  
— с вежливой, но леденящей душу улыбкой поинтересовался благородный наследник.

Разумеется, веса у этого имени было предостаточно. Более чем. Его авторитет оказался столь велик, что Чи Нин, покидая каземат, мимоходом прихватил с собой и старшего соученика.

Подручные Евнуха Ма были на грани безумия. Пытаюсь хоть как-то спасти лицо и задержать беглецов, они заголосили:

— Чи Нина, не подписавшего бумаги, еще можно отпустить, но в отношении Цзян Чжиуэя дело закрыто! Он ведь сам, добровольно и без уговоров, заполнил опросный лист допроса еще на воле и принес его с собой!

В воздухе повисла неловкая, звенящая тишина.

— Что? Я что-то писал? — Цзян Чжиуэй мгновенно разыграл перед всеми полнейшее беспамятство. — Хоть убейте, не помню подобного. Дахэ, братец, где моя бумага?

Ван Дахэ послушно выудил из стопки документов злосчастный лист и протянул его узнику.

Цзян Чжиуэй с самым невозмутимым видом с треском разодрал опросный лист пополам, затем на мелкие клочки, и невинно поинтересовался у стражников:

— Ну и где же моя бумага?

"Да, сразу видно — ученик твоего покойного наставника, — хмыкнул в глубине души Чи Нина Господин Юань. — В умении нагло валять дурака они с тобой из одного теста слеплены"

Прихвостни Евнуха Ма беззвучно открывали и закрывали рты, напоминая выброшенных на берег рыб.

Тем временем сотник Ван с каменным лицом наступил сапогом на обрывки бумаги, тщательно растер их по грязному полу и пробасил на прощание:

— Счастливого пути, старший брат! Заглядывай к нам почаще на огонек, не забывай!

Цзян Чжиуэй наградил его долгим, преисполненным признательности взглядом: непременно заглянет!

<http://bllate.org/book/20385/2131855>